

DOI: 10.31857/S013038640018258-1

© 2022 г. Д.А. АМАНЖОЛОВА

КАЗАХСКАЯ СТЕПЬ И ЕЕ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В УСЛОВИЯХ РЕВОЛЮЦИОННОГО ТРАНЗИТА В ЕВРАЗИИ НАЧАЛА XX века

*Аманжолова Дина Ахметжановна — доктор исторических наук, профессор, Институт
русской истории РАН (Москва, Россия).*

E-mail: amanzholova19@mail.ru

ORCID: 2603-3832-300

Аннотация. Автор рассматривает политическую ситуацию в казахском обществе в условиях революционного транзита в начале XX в. с учетом влияния на нее внешнеполитических факторов. Казахское общество было достаточно прочно интегрировано в общероссийское политическое и социальное пространство. Первая мировая война заставила казахскую политическую элиту более внимательно анализировать место своего региона в мире и судьбы народов Евразии в международном аспекте, что пока недостаточно учитывается при изучении истории казахского национального движения. Т. Уяма и другие авторы обращают внимание на международный контекст восстания 1916 г. Роль внешнеполитических сил в событиях Октябрьской революции и Гражданской войны в Казахской степи, как и политических ориентирах казахской политической элиты в начале 1920-х годов, пока учитывается недостаточно. Автор считает, что вовлеченность в общероссийские процессы обусловила основные ориентиры автономистского движения Алаш в условиях революции и гражданской войны, а также индифферентное отношение внешнеполитических сил к Казахской степи. Цель статьи — анализ эволюции представлений и инициатив национальных деятелей, включившихся в советизацию региона, по поводу укрепления собственных властных позиций с использованием идеи мировой революции на основе вовлеченных автором в научный оборот источников и результатов современной историографии истории движения Алаш. Для большевистской внешнеполитической стратегии признание алашординцами советской власти было одним из эпизодов в продвижении по своеобразному коридору мировой революции на колониальном Востоке. Идея мировой революции играла амбивалентную роль в стратегии большевиков. Показано, что разные группы большевиков-националов и представителей центральной власти использовали ее для решения вполне практических задач. С укреплением советской власти казахские большевики попытались ввести фактор мировой революции во внутривнутриполитический контекст. Это выразилось и в проекте Т. Рыскулова по созданию Тюркской республики и Тюркской компартии.

Ключевые слова: Россия, Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, Казахская степь, политическая элита, движение Алаш, внешняя политика, мировая революция, национальная автономия.

D.A. Amanzholova**The Kazakh Steppe and its Political Elite in the Conditions of Revolutionary Transit in Eurasia at the Beginning of the 20th century***Dina Amanzholova, Institute of Russian History RAS (Moscow, Russia).**E-mail: amanzholova19@mail.ru**ORCID: 2603-3832-300*

Abstract. The author examines the political situation in Kazakh society in the conditions of revolutionary transit at the beginning of the 20th century, taking into account the influence of foreign policy factors on it. The Great War forced the Kazakh political elite to analyse more closely the place of their region in the world and the fate of the peoples of Eurasia in the international context. Tomohiko Uyama and other authors draw attention to the international context of the Central Asian revolt of 1916. The role of foreign political forces in the events of the October Revolution and Civil War in the Kazakh steppe, as well as political orientations of the Kazakh political elite in the early 1920s, were not yet accurately taken into account. The author believes that the involvement in all-Russian processes determined the main reference points of the Alash autonomist movement in the conditions of revolution and Civil war, as well as the indifferent attitude of foreign political forces towards the Kazakh steppe. The aim of the article is to analyse the evolution of perceptions and initiatives of national figures involved in the process of Sovietisation of the region, regarding the strengthening of their power positions using the idea of world revolution. The study draws on new sources and the results of contemporary historiography of the history of the Alash movement. For Bolshevik foreign-policy strategy, the recognition of Soviet power by the Alash Orda was one of the stages in the drive towards world revolution in the colonial East. At the same time, the idea of the world revolution itself played an ambiguous role in the Bolshevik strategy. The author demonstrates that different groups of local Bolsheviks, as well as representatives of the central government, used it to achieve quite practical objectives. With the consolidation of Soviet power, the Kazakh Bolsheviks attempted to introduce the factor of the world revolution into the local political context. This was also reflected in Turar Ryskulov's project to create a Turkic Republic and a Turkic Communist Party.

Keywords: Russia, revolution, civil war, Kazakh political elite, Alash movement, Bolsheviks.

Начало XX в. отмечено более активным вовлечением традиционных обществ России в модернизационные процессы, что призывало просвещенные национальные элиты артикулировать новые вызовы, осознавать многонародность как естественное воплощение целостности евразийского пространства страны, учитывая в то же время потребности внутриэтнической консолидации в интересах адаптации к быстро меняющимся условиям. Для России в ее имперском и советском воплощениях такая культурная сложность всегда была важным фактором тесной взаимосвязи внутренней и внешней политики. Впрочем, далеко не все народы и их элиты, получив в 1917 г. возможность включиться в политический процесс, смогли заявить о себе как об относительно самостоятельных или влиятельных его участниках. В Казахской степи осознание этнической целостности отставало от вызовов современности, и даже элита кочевого общества лишь изредка пыталась осмыслить место региона в геополитическом контексте. Это было связано, видимо, с состоянием самого социума на пороге революционных потрясений и его локализацией в политическом пространстве Евразии. Не случайно специалисты по истории геополитики применительно к Центральной Азии в начале XX в. концентрируются на анализе соседних современному Казахстану регионов.

Завершение интеграции Казахской степи в состав Российской империи относится к 1860-м годам. Ее восточный сосед Китай во время революции и Гражданской войны в России не был источником угроз. Наоборот, в опасных ситуациях казахские аулы

нередко использовали его территорию как временное убежище. С учетом традиционных представлений о границах, которые были подвижными в рамках сезонного кочевания, и на основе согласования между внутриэтническими объединениями, а также о самом государстве как внешней для кочевой культуры силе и о кормящем ландшафте как предельном пространстве жизнедеятельности повседневная мобильность не вписывалась в абстрактные для кочевника фронтиры в виде административных барьеров. Центр в массовом сознании также был связан с местом нахождения родоправителя, которое перемещалось вместе с кочевьем, а также с властью. Государство как большая политическая единица ассоциировалось с удаленной региональной и царской властью, что сказывалось на представлениях общества и его элиты о военно-политических и геополитических противоречиях в регионе и на его границах. На юге Степь была защищена от внешних угроз центрально-азиатскими территориями, близкими конфессионально, но отделенными хозяйственными практиками и административно-политическими барьерами, что также делало казахское общество не столь важным для крупных международных игроков.

Для образованного класса Степи модерн означал осознание потребности в научном знании и его использование для общественного поворота, детерминированного характером социальных изменений во всей империи. Общая численность казахов России на 1897 г. составила 4 091 746 человек, 96,01% проживали на территории современного Казахстана, при этом их грамотность составляла 2,7%¹. К 1917 г. национальную культурную элиту представляли около 100 человек, получивших высшее образование в университетах и других учебных заведениях России, около 700 окончили гимназии, прогимназии, училища и учительские семинарии². Между тем получавшая в вузах России образование молодежь быстро вовлекалась в атмосферу студенческого нигилизма и революционного романтизма, составив затем основу национального движения Алаш. В этом плане показательно размышление студента военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге, одного из будущих лидеров Алаш Х. Досмухамедова. Он довольно образно и эмоционально выразил в письме товарищу в октябре 1904 г. свои переживания и мечтания о будущем казахов, находясь под впечатлением от успехов Японии: «Когда подумаешь, что кроме тебя десятки или даже сотни киргизов получают высшее образование, то приходишь к заключению, что и этот народ способен к труду, к прогрессу, что и он, может быть, когда-нибудь займет в мировом господстве одно из высоких мест, что и он может сделаться второй Японией, а не вымрет, как другие инородцы под властью белых чертей, которые не имеют ни сил, ни мужества бороться и побороть своего душителя, самодержавного Крокодила, как вулкан, который, не могши справиться с внутренними подземными силами, выливает свою лаву на ни в чем не повинных жителей окрестностей»³. Наибольшая в сравнении со среднеазиатскими народами интегрированность Степи в общегосударственное культурное и общественное поле, с одной стороны, подстегивала вовлечение казахской интеллигенции в общероссийские

¹ Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. Алихан Букейханов. Поиск ориентиров. Ахмет Байтурсынов. Главное — обретение государственности. Турар Рыскулов. Яркий политик советского Востока. Астана, 2008. С. 43; Игибаев С.К. Казахстан в источниках и материалах. Усть-Каменогорск, 2010. URL: <http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page-17#107963> (дата обращения: 13.02.2015).

² Исмагамбетов Т. Развитие казахского истеблишмента в конце XIX — середине XX века // Центральная Азия. 1997. № 11. URL: https://ca-c.org/journal/11-1997/st_02_ismagamb.shtml (дата обращения: 16.03.2021).

По данным переписи 1926 г., грамотность казахов составляла 6,9%. — Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. // URL: <http://www.iie.kz/?p=4615> (дата обращения: 16.09.2015).

³ Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века. Сб. документов и материалов / сост. Д.А. Аманжолова. М., 2017. С. 60.

политические процессы; с другой — стимулировала ее представителей к формулированию собственной программы модернизации. Это порождало и определенный интерес к опыту антропологически схожих народов Азии, среди которых успешным примером служила Япония. Снижение внешнего престижа российского государства в ходе неудачной войны 1904–1905 гг. неизбежно усиливало критический настрой к его внутренней политике и соблазн увлечения далеким и малознакомым миром побеждавшей в дальневосточном конфликте стороны.

Дифференциация казахского образованного класса происходила постепенно, по мере роста его удельного веса и влияния в обществе. Будущий лидер Алаш А.Н. Букейханов в 1910 г. констатировал, что уже в годы революции 1905–1907 гг. в наиболее передовых слоях общества выделились два течения. «С одной стороны, интеллигенция, воспитанная на русской литературе, верующая в европейскую культуру, видящая счастье родины в здоровом претворении плодов западной культуры... С другой стороны, выступала и интеллигенция, воспитывавшаяся в духе восточной ортодоксии и национально-религиозной исключительности. Эта последняя выдвигала религию на первый план... Первую группу киргизской интеллигенции можно было назвать западниками, а вторую — тюркофилами и поборниками панисламизма. Как показали киргизские съезды... широкие массы, как везде, были нейтральны к вопросам политическим и обнаруживали только некоторый интерес к вопросам религиозным»⁴ (этноним «казахи» утвердился в 1925 г., заменив общепринятый до этого термин «киргизы»). Таким образом, часть интеллигенции стояла за сохранение самобытности казахов на путях укрепления мусульманской культуры, другая (к ней относились Букейханов и его единомышленники, создавшие автономистское движение Алаш) — через русскую культуру стремилась «вестернизировать» свой народ. Прогресс Запада, подтверждавшийся промышленными и научными достижениями России, оказался гораздо более привлекательным для уже включенных в ее культуру и идентифицировавших себя в качестве сограждан многонациональной страны интеллектуалов. Важно учитывать также поколенческий подход в дифференциации казахских интеллектуалов, который позволяет увидеть эволюцию их идеологии, соотношение культурологических и политических приоритетов в деятельности разных поколений⁵. В 1913 г. начала выходить созданная по инициативе казахской интеллигенции газета «Казах», самим названием постулировавшая национальное единство стратифицированного на основе жузово-племенной иерархии общества.

Между тем поликультурное евразийское пространство в результате революции решительно трансформировалось — менялись не только политико-административные, экономические, этносоциальные, культурные, внешние правила жизнедеятельности народов. Происходили сложные и даже трагические перемены в системе этноконфессиональных ценностей, идеологических предпочтений и самих условий развития крупных и небольших общностей (народов, сословий, профессиональных сообществ, творческих и иных страт). Распад огромного государства обернулся жесточайшей гражданской войной, драматической реализацией глобального социального проекта — СССР — и перестройкой всей международной системы. Но геополитический статус России даже в условиях транзита власти при доминировании русских как ядра и основы евразийской политики превращал остальные ее народы в объекты международной и внутренней борьбы, несмотря на наличие у них относительно значимой элиты.

В конечном счете, именно те образованные националы, что объединились вокруг Букейханова и характеризуются в историографии как национальная интеллигенция, играли главную роль в идейно-политической жизни казахского общества в начале

⁴ Букейханов А. Киргизы // Формы национального движения в современных государствах. СПб., 1910. С. 597.

⁵ Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: The Kazakh Intelligentsia Write a History of Their Homeland // Аб империи. 2004. № 1. С. 467–486.

прошлого столетия, определяли характер и направленность этнополитических процессов в Степи. Они консолидировались в 1917 г. в движение Алаш. Все остальные группы оказались в тени из-за отсутствия сколько-нибудь значимого влияния на массы и самостоятельных организационных начал.

В ходе балканских войн в газете «Казах» выражалась обеспокоенность конфессиональным эгоизмом и опасностью политики европейских стран, жестокостью противников и угрозой мировой войны. С ее началом Букейханов пишет: «Европейские страны говорят, что они христиане и правы, но на самом деле они ведут себя как волки. ...Наша страна не может не помогать Сербии, родственнику и ученику, которого мы учили в течение сорока лет». Казахские интеллектуалы не отделяли себя от страны. В 1916 г. лидеры общества призывали: «Соотечественники — русский народ; единоверцы мусульмане, татарский народ, а также другие соседние народы горят в пламени пожара. Нельзя нам оставаться в стороне»⁶. Столь расширительное понимание места казахов в меняющемся мире, предложенное элитой, поддерживалось импульсами снизу — слухи стали информационным полем, включавшим массовое сознание в глобальный контекст, где Энвер-паша выступал символом тюркского единства, а далекая Германия — возможным актором военных действий в Туркестане⁷. Продолжавшаяся почти до конца 1918 г. мировая война обозначила опасность турецкого влияния и панисламизма в Степи, но на деле этот фактор оказался несущественным. Более того, казахский образованный класс проявил гражданскую сознательность и патриотизм, выступив против насильственных действий восставшего в 1916 г. населения, призываемого на тыловые работы⁸. Примечательно, что современные казахстанские ученые, решительно отказавшись от советского историографического наследия, призывают исследовать восстание 1916 г. в качестве национально-освободительной революции и одной из первых революций такого типа в колониях царской России. Стоит напомнить идею А.В. Пяковского, высказанную им в 1960 г., о восстании как звене «разгоравшейся борьбы колониальных народов (Китай, Персии, Южно-Американского союза и др.) против империалистического ига»⁹.

В целом Первая мировая война заставила казахскую политическую элиту более внимательно анализировать место своего региона в мире и судеб народов Евразии в международном аспекте. Цивилизаторская прогрессистская западная модель, которая считалась образцовой и к которой через русскую культуру они устремляли свои помыслы, оказалась чреватой жестоким насилием, кровавыми межэтническими конфликтами, разрушением национального государства, считавшегося вершиной модернизации. Это стимулировало этноцентристскую ориентацию алашевцев, считавших, что у казахов нет внутреннего социального раскола, правда, не избавило их от привязанности к западным проектам. В их автономизме отражались полезные цели вестернизации: общее гражданство вне зависимости от религиозной и этнической принадлежности, равенство перед законом, увеличение роли светских организаций, начальное образование и др.

Как считал в 1918 г. один из казахских интеллектуалов, автономия в составе России позволит казахам, подобно Швейцарии и США, иметь министров, парламент и суд,

⁶ Казах, 11.VIII.1916.

⁷ Уяма Т. Восстание, рожденное в войне: влияние Первой мировой войны на катаклизмы в Центральной Азии в международном контексте // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. М., 2016. С. 82–83.

⁸ Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.). М., 2017; Христофоров В.С. Степной край в политическом, экономическом и культурном пространстве Российской империи: взгляд российской контрразведки (1914–1917 годы) // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 146–156.

⁹ Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сборник документов / отв. ред. А.В. Пяковский. М., 1960. С. 19; История Казахстана с древнейших времен до наших дней: очерк / ред. Л.И. Дробжева. Алматы, 1993. С. 276–277.

но действовать на международной арене как одна страна¹⁰. При этом Букейханов подчеркивал объективную включенность в общероссийский дискурс и подчиненность ему «западных» ориентиров алашевцев: «Мы — западники. В своем стремлении приобщить народ к культуре мы не смотрим на Восток... Получить культуру мы можем... через Россию, при посредстве русских». Он признавал, что казахские политические силы «составляют часть единой России, что автономные области в концерте мировых держав не могут играть никакой роли, если бы они захотели создать какое-нибудь маленькое сепаратное государство»¹¹. Обжитой геополитический ландшафт Евразии, в котором Степь воспринималась как его вполне комфортная органическая часть, удерживал казахских демократов от рискованных попыток перейти к самостоятельным действиям и добиваться независимости. Принужденные лавировать между ведущими игроками на пространстве воюющей страны, они апеллировали к международным и наиболее сильным партнерам, используя их символы и декларации о мировой революции или сердечном согласии для выигрыша времени и получения тех или иных дивидендов.

Между традицией, на которой зиждилось казахское общество, и двумя вариантами западной прогрессистской парадигмы модерна — национализмом и интернационализмом — алашевцы выбрали национализм, сохраняя прочную приверженность общероссийскому политическому пространству не только в качестве граждан единой страны, но и уже в роли одного из субъектов процесса реорганизации государства после распада империи. В 1918 г. в журнале «Абай» М. Ауэзов опубликовал статью «Япония», в которой описал переход восточной страны от закрытости к быстрой модернизации. По его мнению, «в наше время существует масса всевозможных условий для того, чтобы невежественный народ влился в ряды передовых». Он обратил внимание на несколько основных факторов, обеспечивших, по его мнению, впечатливший алашординцев прогресс:

- 1) в конце XIX в. «в стране установилась справедливая власть. Правительство и народ стали ближе друг к другу, родилось равноправие»;
- 2) развитие науки, экономики и торговли, стимулированное войной с Китаем 1894 г.;
- 3) «коллективная сплоченность и солидарность руководителей и специалистов в профессиональной среде. Поставленная кем-то цель становилась общей целью, и эта общая цель в первую очередь не должна была нанести урон укреплению страны»;
- 4) «запросто установившееся никогда не будет по-настоящему крепким»¹².

В ходе Гражданской войны алашординцы так и не смогли стать значимым фактором геополитических баталий. Антисоветские силы стремились использовать их в мобилизации ресурсов на войну. Верховный комиссар Великобритании в Омске Ч. Элиот 14 октября 1918 г. присутствовал на смотре конного полка Алаш-Орды и войск гарнизона Семипалатинска в составе антисоветских сил: при прохождении церемониальным маршем без оружия, в русском обмундировании и под командой русских офицеров они имели вид строевой части, «хотя и обучены, но не вполне». Присутствие Элиота заставило командира 2-го Степного Сибирского корпуса генерал-майора А.Ф. Матковского отказать от более детальной проверки боеспособности полка¹³.

Для большевистской внешнеполитической стратегии признание алашординцами советской власти, последовавшее в результате поражения белых на Урале и в Сибири, было одним из эпизодов в продвижении по своеобразному коридору мировой революции

¹⁰ *Фаббас*. Алаш автономиясы. 1918. 22 января // Алаш көсемсөзі. 10 кітап. Сарыарка. Алматы, 2011. С. 79–83.

¹¹ Алаш-Орда. Сб. док. Кзыл-Орда, 1929. С. 116–117; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 144. Оп. 1. Д. 1а. Л. 66.

¹² URL: http://www.dialog.kz/articles/kultura/2020-10-09/statya-kazaha-pro-yaponiyu-iz-1918-goda?fbclid=IwAR2NRqSPaRTtZnDC-a2oKX56JU_2ZTk-saBkXdhMwqs535QuWkmEGqsdMpw (дата обращения: 09.10.2020).

¹³ Российский государственный военный архив. Ф. 39498. Оп. 1. Д. 13с. Л. 46–47.

на колониальном Востоке. При этом так называемый «первобытный коммунизм», отсутствие капитализма и сохранение общинного уклада представлялись весомыми обстоятельствами в пользу облегченного и даже естественного восприятия ими коммунистических идей. Заместитель наркома по делам национальностей С.С. Пестковский, вскоре ставший председателем Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем (ВРК, КирВРК), писал в 1919 г.: «Теперь же Туркестану суждено быть воротами из Европы в Азию: из Советской России, теперешнего центра мировой революции, должны вливаться через Туркестан в Азию идеи социального и политического освобождения многострадальных трудовых масс Востока как от туземных, так и от пришлых поработителей... Имея за собой мусульман Туркестана, будем иметь Афганистан и Персию, а оттуда откроем путь для нашего воздействия на Индию и Монголию»¹⁴. О том же говорилось и в докладной записке Центрального бюро коммунистических организаций народов Востока в президиум ВЦИК 1 октября 1919 г.: «Туркестан при настоящих условиях международного политического положения является преддверием социальной революции на Востоке. Через него и только через него мы можем установить связь с Ближним Востоком — Афганистаном, Индией, Персией и т.д. и революционизировать их, подготавливая в них восстание против международного империализма»¹⁵. Как вспоминал чрезвычайный комиссар ВЦИК и СНК по Средней Азии и Западной Сибири, а с мая 1918 г. глава ТурЦИК и член РВС Туркфронта, П.А. Кобозев: «От Владимира Ильича [Ленина] я получил словесное указание в короткой форме: “Англию из Туркестана надо вышибить”, а от т. Сталина не менее ясную директиву: “С дураками драться не будем; в коммунизм алаш-ординцев, башкиров, киргизов пока верим слабо; но войны с ними также вести не будем”»¹⁶.

Однако эти стратегические замыслы, как стало ясно достаточно скоро, не увязывались с оперативной реальностью. Именно весной—летом 1918 г. Ленин приходит к выводу, что сил на ведение революционной войны нет, надо «отступать, лавировать и выжидать». Сложнейшие коллизии гражданского, межэтнического, социального конфликтов в мультикультурном регионе, где ожесточение 1916 г. сохранялось практически повсеместно, втягивали большевиков в тяжелую и почти непредсказуемую борьбу за власть. Не случайно Сталин признавал: «Обстановка Туркестана такая, что в ней кто хочешь голову себе сломит»¹⁷.

Между тем казахской элите в советском проекте представился новый шанс сыграть значимую роль в международном противостоянии. Это было обусловлено активной ролью казахских большевиков в истории советского Туркестана. 29 сентября (8 октября) 1919 г. была создана Туркестанская комиссия ВЦИК и СНК РСФСР, положение о которой было утверждено ЦК РКП(б). Первоначально в состав вошли: Ш.З. Элиава (председатель), Г.И. Бокий, Ф.И. Голощекин, В.В. Куйбышев (зам. председателя), Я.Э. Рудзутак, М.В. Фрунзе. Комиссия прибыла в Ташкент 4 ноября 1919 г. Идея мировой революции была взята на вооружение председателем Мусульманского бюро Коммунистической партии Туркестана (КПТ) Т. Рыскуловым. Не османизм, а тюркизм он представлял символом и целью самоидентификации. Предложение Рыскулова о создании так называемой Тюркской республики и Тюркской компартии породило политический кризис и вынудило центр на дополнительные меры. В январе 1920 г. на объединенном заседании Крайкома, Краевого мусульманского бюро и Комитета иностранных коммунистов КПТ и представителей Турккомиссии по вопросу об автономии Туркестана развернулась дискуссия о Туркестанской или Тюркской автономии. Ш.З. Элиава, «подробно остановившись на вопросе самоопределения наций здесь, на Кавказе, и в России, сделав им сопоставление и оценку в значении мировой революции, говорит, что если зафиксировать полностью заключение

¹⁴ Пестковский С. Туркестан и мировая революция // Жизнь национальностей. 1919. № 20 (28).

¹⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Д. 249. Л. 142.

¹⁶ Там же. Ф. 133. Оп. 1. Д. 24. Л. 9—10.

¹⁷ Россия и Центральная Азия... С. 202—203.

тов. Рыскулова, то это будет противоречить духу и мысли нашей коммунистической программы. Не возражая против строительства по условиям быта, тов. Элиава указывает, что в резолюциях мы должны выносить такие решения, которые сближали бы народности и не давали никаких притязаний к республике, причем утверждает, что вопрос о тюркской автономности может затянуть развитие социальной революции среди других народностей». Рыскулов, отстаивая идею Тюркской республики, подчеркнул: «Мы войной на Бухару и Афганистан не пойдем, а будем разлагать их идейно», а вот мелкие национальности — киргизы, узбеки — не должны разъединяться. Звучали предложения использовать самоопределение наций в деле освобождения от европейского давления и мусульманского капитала, чтобы объединение тюркских народов дало возможность нанести удар давлению Западной Европы.

Голощекин недвусмысленно призвал разделить утопические мечтания и реальные возможности: «Надо сначала поставить вопрос: идеал это или необходимость. Идеал — это стремление скрыть границы, уничтожить национальные перегородки, а необходимость — это самоопределение, через которое надо проходить. Если какая нация будет самоопределяться, то мы войной против нее не пойдем. В России эти нации уже определились, и теперь выходит, что пожалуйста в Туркестан. Здесь говорят об уничтожении национального деления и сами же создают это деление. Здесь нет того, чтобы соседи, Афганистан и Бухара, бросили своих ханов и присоединились к Советской Республике, а скорее наоборот и скорее большой вопрос в том, кто здесь явится притягивающей силой — коммунисты или афганский эмир. Наша задача — ...продвигаться на Восток и Запад».

Рыскулов считал: «Здесь надо создать единую, нераздельную, могучую партию, которая оказала бы влияние на коренное население и сопредельные страны, укрепила бы строительство и т.д.». Недавний меньшевик, глава Ташкентского совета Г.И. Бройдо, поддержал его и отметил, что Туркестан следует рассматривать как форпост революции на Востоке. Он заявил: «Если бы Туркестан являлся хвостом в революции, то это не так важно, но он, с точки зрения 3-го Интернационала и мировой революции, является лабораторией, которая изготавливает вещество для воспламенения революции в Персии, Афганистане и Бухаре. Мы, русские, кроме как с ружьем, ничего не сделаем, за это нас называют империалистами. Республика же тюркских народов может сделать иначе»¹⁸.

В итоге резолюция об автономии и Конституции Туркестана по докладу Рыскулова, принятая 3-м краевым мусульманским съездом РКП(б), прямо указывала: «Важной стороной программы Коммунистической партии для достижения своих мировых целей в классовой борьбе является освобождение колоний и полуколоний от империалистического ига, т.е. освобождение угнетенного Востока, каковые цели, главным образом, должна преследовать соприкасающаяся с Востоком авангард мировой революции — Советская Россия через свои федеративные единицы... Угнетенный Восток стоит на платформе Третьего Интернационала и в борьбе с мировым империализмом является не только его временным союзником, но и в этой борьбе долженствует сыграть решающую роль». Туркестан же объявлялся местом, призванным дать пример всему Востоку. В полном соответствии со стратегией мировой революции Т. Рыскулов включил в резолюцию следующий пункт: «Географическую границу Туркестана в пределах пяти его областей не считать какой-либо замкнутой границей теперь при социалистическом строе, когда не только территориальные границы, но должны быть постепенно уничтожены и границы между нациями, поэтому в состав Тюркской Советской Республики считать возможным прием новых желающих войти в нее членов Республики». Он считал необходимым «провести путем коммунистической агитации идею уничтожения стремления тюркских народностей делиться по существу и по названию»¹⁹.

¹⁸ Там же. С. 314—315, 318, 320—322.

¹⁹ Там же. С. 323—328.

Лозунг «мировая революция» стал для группы Рыскулова важным средством внушения центру необходимости своего проекта. Рыскулов и председатель крайкома КПТ С. Ходжаев (Турсунходжаев) писали Ленину, что их инициатива выгодна для «поднятия авторитета коммунистической партии в глазах соседних народов Востока и учитывает громадную роль, которую должен сыграть ЦК Партии тюркских народов в истории революционного движения Востока»²⁰. В докладе полномочной делегации Туркестана в ЦК Рыскулов писал в мае 1920 г., что «Советская Россия, ведя одновременно оборонительную борьбу с империализмом при затянувшемся ходе социальной революции на Западе, могла бы гораздо более ускорить темп этой революции путем скорейшего вовлечения в эту борьбу колоний и полуколоний капиталистических держав... Советская Россия и западный пролетариат должны всеми силами официально поддерживать это “национально-освободительное движение” и борьбу восточных народов за “независимость”, ибо последние содействуют успешности мировой социалистической революции и раскрывают сущность колониальной политики империализма.

Здесь ЦК РКП, придавая Востоку не меньшее значение, чем Западу, должен проводить лозунг “Все политические и вооруженные силы трудящихся мусульман Советской России — на Восток”, и осуществлять этот лозунг на деле. Роль же самой Советской России в этом деле должна заключаться в организации указанных сил, концентрации их на восточных окраинах и снабжении их материальными средствами и оружием. Другое решение вопроса в смысле непосредственного вмешательства Советской России в дела сопредельных восточных государств, стремление произвести искусственные перевороты путем посылки русских красноармейских частей, сопряженные еще с грабежами, как поступил Туркфронт с Хивой²¹ и предполагается поступить в отношении Бухары, означало бы новый способ империалистической захватнической политики ...дававший лишнюю козырь в руки английской буржуазии на Западе». Идея мировой революции использовалась как один из базовых аргументов в пользу проекта Рыскулова: «Весь Восток “чутко” прислушивается к тому, что делается в Туркестане»²². Уточним: с момента образования Туркфронта (август 1919 г.) до разгрома основных сил Джунаид-хана и отречения от престола хивинского хана (февраль 1920 г.) вся территория Хивы была ареной ожесточенной борьбы. Здесь речь идет о красноармейских частях, допускаявших неоправданную жестокость по отношению к мирному населению, якобы поддерживавшему противника.

В дополнение к докладу 16 июня Рыскулов, секретарь ТуркЦИК Г. Бех-Иванов и член ЦК КПТ Н. Ходжаев писали Ленину: «Опять-таки многие хотят убедить нас, что центр революции на Востоке перешел теперь на Кавказ и в Турцию, поэтому на Туркестан не нужно теперь обращать внимания. Конечно, мы не отрицаем значения Кавказа и Турции, в особенности, может быть, теперь на Востоке, но указываем на одно лишь, что такого рода бесконечные перемены (перемены основного) взглядов, основываясь на изменившихся условиях международной обстановки, прежде считаясь с Туркестаном, теперь творить там, что угодно, является просто дипломатическим, но не основным решением вопроса. Перебрасывание центра внимания и силы то в один, то в другой пункт — это не есть исключительное, единственное условие развития мировой революции. Последняя должна совершаться планомерно и последовательно по известному пути. ...Мы утверждаем, что классовое расслоение и борьба, которые должны иметь место на Востоке, как раз будут исходным пунктом иметь именно Туркестан». Накануне II конгресса Коминтерна представители Туркестана, Башкирии и Казахстана призывали Ленина: Восток должен «быть членом мировой федерации коммун». Более того, «Индия должна быть освобождена мусульманским пролетариатом при помощи Советской

²⁰ Там же. С. 335.

²¹ Подробнее об этом см.: Туркестан в начале XX века. К истории истоков национальной независимости / науч. ред. Р.Я. Раджапова. Ташкент, 2000. С. 297–310.

²² Россия и Центральная Азия... С. 351–354.

России и обязательно до революции в Лондоне... Если революция в Индии будет после революции в Лондоне, то назначаемые английским ЦИК комиссары будут рассматриваться как новые заместители вице-королей. Никаких делений помощи по старым признакам — надо делить так, как потребует мировая революция»²³.

Однако, судя по всему, Ленин относился к взаимосвязи региональных проблем с антиколониальной борьбой на Востоке достаточно прагматично. Как известно, 22 июня на заседании Политбюро в ряду предложений по поводу инициатив туркестанцев он, в частности, отметил: «Общей задачей ставить свержение феодализма, но не коммунизм»²⁴. В постановлении ничего не говорилось о связи проблем Туркестана с мировой революцией и внешнеполитическими проблемами.

Одновременно на объединенном заседании Центрального бюро коммунистических организаций Востока, Киргизского, Башкирского и Туркестанского национальных представительств при Наркомнаце и от турецкой делегации по вопросу о политике РКП(б) на Востоке председатель СНК Татарской АССР С.-Г. Саид-Галиев, к примеру, высказался так: «После национального освобождения Востока от западных империалистов как мы должны руководить Востоком, только этот вопрос встает перед нами; конечно, мы можем показывать народам Востока фактическое улучшение положения рабочих и крестьян в существующих советских республиках, не возражая против национального освобождения, но после освобождения примемся за борьбу с националистами». Весьма радикально рассуждал лидер башкирских автономистов А.-З. Валидов: «Восток не может идти по путям Российской Революции... восточная политика до сих пор колеблется также вследствие того, что революция в Венгрии была подавлена, снова обратилась к Востоку... Революция на Востоке неизбежна... революция на Востоке необходима. Если революция на Западе будет прежде, чем на Востоке, может произойти так, что объявят какую-нибудь неделимую Английскую Советскую республику, и тогда Восток национального освобождения не получит»²⁵. Москва ситуацию оценивала иначе, особенно после провала в Польше, да и в Азии успешно противостоять Англии вряд ли было возможно.

Меж тем Валидов и Рыскулов гораздо активнее вводили фактор мировой революции во внутривосточный контекст: только «изгнание русских колонизаторов» из Туркестана может помочь мировой революции на Востоке: «Нам необходимо взять в свои руки руководящие нити Востока и приложить все усилия к его революционизированию... Разрешит ЦК или нет, но съезд нужно созвать. Т. Рыскулов: Мы проработали 2-3 года, но практически ничего не сделали. 1, 2, 3 конгрессами Интернационала колониальный вопрос ставился, но правильного разрешения не получил. Революции на Западе не было, причина объясняется тем, что Запад зиждется на Востоке, — там все поделено буржуазией»²⁶.

Выступление Т.Р. Рыскулова на II Всероссийском совещании коммунистов тюркских народов 7 марта 1921 г. также было нацелено на увязку эффекта от реализации конкретных аспектов советской этнополитики в Средней Азии с имиджем РСФСР на Востоке и международным положением. В частности, он заявил: национальные вопросы внутри РСФСР, особенно в отношении угнетенных восточных национальностей, и связанный с ними более широкий восточный вопрос для нас имеют сейчас особенно огромное значение. «Мы, тюркские коммунисты, являющиеся более или менее активными среди восточных коммунистов, заинтересованы тем, чтобы вожди мировой революции, руководящие органы мировой революции понимали ту обстановку на Востоке, которая создалась в данный момент... Сейчас кемалистская Турция хочет заявить, что не Советская Россия будет возглавлять движение тюркских народов, предводимых ею.

²³ Там же. С. 365, 378–379.

²⁴ Там же. С. 382.

²⁵ Там же. С. 388.

²⁶ Там же. С. 388–389.

И надо признать, что они правы. ...Антанта на Востоке готовит нам обширный план контрреволюционного движения, открывая наши окраины, мы должны быть начеку»²⁷.

Рыскулов в 1924–1925 гг. как полномочный представитель Коминтерна получил возможность на практике апробировать идеи мировой революции. «Народная партия находится в руках Коминтерна»²⁸, – в полном соответствии с международной идеологической доктриной большевиков посланец Советской России принял самое непосредственное участие в формировании фундаментальных основ политико-правовой и социально-экономической системы молодого государства, ставшего частью грандиозного утопического проекта мировой победы коммунизма. Между тем идеи интернационального братства народов для этого поколения большевиков были органической частью их романтических представлений о неизбежном торжестве социальной справедливости во всем мире и для всех, «кто был ничем» в мире насилия и эксплуатации, как говорилось в партийном гимне «Интернационал».

Итак, Казахская степь не была полем геополитической борьбы мировых держав. Это обусловило и поведение казахской элиты в транзите Евразии от империи к СССР. Идея мировой революции играла амбивалентную роль в общей и региональной стратегии большевиков. К тому же разные группы большевиков-националов и представителей центральной власти использовали эту стратегическую установку для решения вполне практических задач – от борьбы с так называемым русским колонизаторством и шовинизмом для укрепления собственного политического ресурса и авторитета в глазах центра до авантюрных попыток реализовать утопические и амбициозные планы перекройки устоявшихся границ в лимитрофных зонах. Центральная власть, несмотря на географическую удаленность (или благодаря ей), гораздо быстрее перешла от революционной романтики к непосредственному государственному строительству, в том числе к обеспечению безопасности в границах традиционного пространства Российской империи. С этим связана и эволюция статуса центрально-азиатских республик в составе советской федерации. К концу 1920-х годов понятие «мировая революция» остается в политическом лексиконе большевиков главным образом как некий мобилирующий символ и один из неперенных лозунгов советской пропаганды. Азиатские республики превращать в автономии было уже нецелесообразно по международным и внутривнутриполитическим соображениям.

Библиография

Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. Население Казахстана между Всесоюзными переписями населения 1926 г. и 1939 г. // URL: <http://www.iie.kz/?p=4615> (дата обращения: 16.09.2015).

Ахметова Л.С., Григорьев В.К., Шойкин Г.Н. Алихан Букейханов. Поиск ориентиров. Ахмет Байтурсынов. Главное – обретение государственности. Турар Рыскулов. Яркий политик советского Востока. Астана, 2008.

Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: сб. документов / отв. ред. А.В. Пясковский. М., 1960.

Восстания 1916 г. в Азиатской России: неизвестное об известном (к 100-летию Высочайшего повеления 25 июня 1916 г.) / ред.-сост. Т.В. Котюкова. М., 2017.

Фаббас. Алаш автономиясы. 1918. 22 января // Алаш көсемсөзі. 10 кітап. Сарыарка. Алматы, 2011. С. 79–83. (На казахском)

Игибаев С.К. Казахстан в источниках и материалах. Усть-Каменогорск, 2010. URL: <http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963> (дата обращения: 13.02.2015).

²⁷ Там же. С. 425, 429. Говоря об открытии окраин, Рыскулов имел в виду разрешение представителям Турции свободно передвигаться по Ташкенту, что, по его мнению, могло способствовать распространению влияния Турции, а не Советской России на тюркские народы региона.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 24. Л. 30.

Исмагамбетов Т. Развитие казахского истеблишмента в конце XIX — середине XX века // Центральная Азия. 1997. № 11. URL: https://ca-c.org/journal/11-1997/st_02_ismagamb.shtml (дата обращения: 16.03.2021).

История Казахстана с древнейших времен до наших дней: очерк / ред. Л.И. Дробжева. Алматы, 1993.

Пестковский С. Туркестан и мировая революция // Жизнь национальностей. 1919. № 20 (28).

Россия и Центральная Азия. Конец XIX — начало XX века: сб. документов и материалов / сост. Д.А. Аманжолова. М., 2017.

Туркестан в начале XX века. К истории истоков национальной независимости / науч. ред. Р.Я. Раджапова. Ташкент, 2000.

Уяма Т. Восстание, рожденное в войне: влияние Первой мировой войны на катаклизм в Центральной Азии в международном контексте // Туркестанское восстание 1916 г.: факты и интерпретации. М., 2016. С. 77–86.

Христофоров В.С. Степной край в политическом, экономическом и культурном пространстве Российской империи: взгляд российской контрразведки (1914–1917 годы) // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 146–156.

Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: The Kazakh Intelligentsia Write a History of Their Homeland // Ab imperio. 2004. № 1. С. 467–486.

References

Ahmetova L.S., Grigor'ev V.K., Shojkin G.N. Alihan Bukejhanov. Poisk orientirov. Ahmet Bajtursynov. Glavnoe — obretenie gosudarstvennosti. Turar Ryskulov. Yarkij politik sovetskogo Vostoka [Alikhan Bukeikhanov. Search for landmarks. Akhmet Baitursynov. The main thing is the acquisition of statehood. Turar Ryskulov. A bright politician of the Soviet East]. Astana, 2008. (In Russ.)

Asylbek M.H., Asylbekova Zh.M. Naselenie Kazahstana mezhdru Vsesoyuznymi perepisyami naseleniya 1926 g. i 1939 g. [The population of Kazakhstan between the All-Union population censuses of 1926 and 1939] // URL: <http://www.iie.kz/?p=4615> (access date: 16.09.2015). (In Russ.)

Hristoforov V.S. Stepoj kraj v politicheskom, ekonomicheskom i kul'turnom prostranstve Rossijskoj imperii: vzglyad rossijskoj kontrrazvedki (1914–1917 gody) [Steppe Region in the political, economic and cultural space of the Russian Empire: the view of Russian counterintelligence (1914–1917)] // Novaya i novejschaya istoriya [Modern and Contemporary History]. 2020. № 2. S. 146–156. (In Russ.)

Igibaev S.K. Kazahstan v istochnikah i materialah [Kazakhstan in sources and materials]. Ust'-Kamenogorsk, 2010. URL: <http://rerefat.ru/docs/5/index-171026.html?page=17#107963> (access date: 13.02.2015). (In Russ.)

Ismagambetov T. Razvitie kazahskogo isteblishmenta v konce XIX — seredine XX veka [The development of the Kazakh establishment at the end of the 19th — mid 20th century] // Central'naya Aziya [Central Asia]. 1997. № 11. URL: https://ca-c.org/journal/11-1997/st_02_ismagamb.shtml (access date: 16.03.2021). (In Russ.)

Istoriya Kazahstana s drevnejshih vremen do nashih dnei / red. L.I. Drobzheva [History of Kazakhstan from ancient times to the present day / ed. L.I. Drobzhev]. Almaats, 1993. (In Russ.)

Pestkovskij S. Turkestan i mirovaya revolyuciya [Turkestan and the world Revolution] // Zhizn' nacional'nostej [Life of Nationalities]. 1919. № 20 (28). (In Russ.)

Rossiya i Central'naya Aziya. Konec XIX — nachalo XX veka: sb. dokumentov i materialov / sost. D.A. Amanzholova [Russia and Central Asia. The end of the 19th — beginning of the 20th century: collection of documents and materials / comp. D.A. Amanzholova]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Turkestan v nachale XX veka. K istorii istokov nacional'noj nezavisimosti / nach. red. R.Ya. Radzhapova [Turkestan at the beginning of the 20th century. On the history of the origins of national independence / ed. R.Ya. Rajapova]. Tashkent, 2000. (In Russ.)

Uyama T. Vostanie, rozhdennoe v vojne: vliyanie pervoj mirovoj vojny na kataklizm v Central'noj Azii v mezhdunarodnom kontekste [The uprising born in the war: the impact of the First World War on the cataclysm in Central Asia in an international context] // Turkestanskoe vosstanie 1916 g.: fakty i interpretacii [Turkestan Uprising of 1916: facts and interpretations]. Moskva, 2016. S. 77–86. (In Russ.)

Vosstanie 1916 goda v Srednej Azii i Kazahstane: sb. dokumentov / otv. red. A.V. Pyaskovskij [The uprising of 1916 in Central Asia and Kazakhstan: collection of documents / ed. A.V. Pyaskovskij]. Moskva, 1960. (In Russ.)

Vostaniya 1916 g. v Aziatskoj Rossii: neizvestnoe ob izvestnom (k 100-letiyu Vysochajshego poveleniya 25 iyunya 1916 g.) / red.-sost. T.V. Kotyukova [The Uprisings of 1916 in Asian Russia: the unknown about the known (to the 100th anniversary of the Supreme Command on June 25, 1916) / ed. T.V. Kotyukova]. Moskva, 2017. (In Russ.)

Fabbas. Alash avtonomiyasy. 1918. 22 yanvarya // Alash kösemsezi. 10 kitap. Saryarka. Almaty, 2011. S. 79–83. (In Kazakh)

Rottier P. Legitimizing the Ata Meken: The Kazakh Intelligentsia Write a History of Their Homeland // Ab imperio. 2004. № 1. S. 467–486.